

СИЛОПАГЕМ

Эмиль Петросян

2004

*Вот ты сейчас ешь меня,
Но я не держу на тебя зла.*

Цудзи Юкио, Время еды.

ОТРИЦАНИЕ

1.

Я приехал в Силопагем 26 января 2004 года. Я бежал от любви. Вот уже 3 года я пребывал в любовном рабстве у фрау Анны.

Из залитого солнцем родного города я приехал в пасмурный и холодный челоуейник. Был арктический январский вечер. В аэропорту меня встретил один из родственников и привез к тетке, сестре отца. В дороге мы практически не разговаривали. Он остановился у серого подъезда, высадил меня и уехал в тошнотворный туман.

Дверь тетушкиной квартиры открыла ее свекровь, старушка-божий одуванчик с ядовитыми мыслями. Мы поприветствовали друг друга, и она провела меня к тете. Тетуска сидела за компьютером. Мы не виделись около двух лет. Увидев меня, она даже не встала с места, а просто кивнула головой. Я как человек с южным темпераментом и привыкший к гостеприимству сделал вид, что все в порядке. Затем я подошел и поцеловал ее.

В душе моей творилось черт знает что. Мне определенно не нравился этот город вместе со всеми его жителями. Мне не нравилось, как со мной обошлись в аэропорту, выпотрошив мой багаж и обыскав чуть ли не до трусов. Мне не нравилось, что я уезжал из теплого солнечного города, а приехал в заснеженные каменные джунгли с морозом, пробирающем до костей. Мне не нравилось, что в этом городе у меня нет друзей, нет приятелей, нет единомышленников.

2.

За день до этого я мучительно переживал отъезд. Я словно готовился к отлету в другую галактику. Мой друг Карл подарил мне новые гитарные струны, и мы около трех часов

пытались записать что-то вразумительное. Но ничего не вышло. Я покидал город, в котором родился и вырос, но в котором погибал и не больше не мог оставаться.

3.

Часто по утрам я рассматривал новый для себя город, пытаюсь поверить в его реальность. Сквер перед тетушкиным домом был завален грязным снегом. Мимо сугробов шли люди, закутанные в шарфы. Брейгель с перегоревшей лампочкой. Мне казалось, что я попал в альтернативную реальность, в которой мне приходится изображать совершенно другого человека, которого никогда не существовало. Казалось, что мои тело и психика живут параллельной жизнью, нигде не пересекаясь.

4.

Немного времени спустя тетка спросила, хочу ли я есть. Я сказал, что хочу. И она накрыла отличный стол. Это меня несколько успокоило. Я сидел и ел деликатесы, поглядывая в запотевшее окно, выходившее на запорошенную снегом площадку с длинными худыми и голыми деревьями, которые напоминали узников концлагерей. На небе не было ни звезд, ни луны. Непроницаемое цельнометаллическое небо.

5.

Очередная глава. Отчаяние. Воспоминания свободы. Поиски утраченного времени.

Через пару часов после того, как я поел и уже собирался было снова лечь спать, позвонила моя другая тетка, та, которая обещала мне найти здесь работу. Назовем ее Марта. Она уже несколько лет занималась "бизнесом" и имела свою фирму, функционирующую в лучших традициях контор типа "Рога и копыта". Я готовился к переходу из одного рабства в другое.

В то время я часто размышлял, и анализируя свое положение, я думал о том, что капитализм работает как любовь: стирает индивидуальность, заменяет собой жизнь и вызывает острую зависимость. Я думал о том, что расстояние должно убить во мне безответную и унижительную любовь к фрау Анне.

6.

Следующий день. Почти бессонная ночь. Денег, которые я привез с собой, хватит только на неделю. Я вижу, как Марта заезжает за мной и везет в свой офис. Я полон энтузиазма - я приехал в этот город стать великим поэтом и ради этого я готов несколько месяцев помучиться на работе в какой-нибудь фирме. Я верю в себя и свое творчество, я уверен, что стоит мне зайти с моими произведениями в любую крупную редакцию - и я звезда. Я все еще очень наивен. Как наскальный рисунок.

7.

Марта привезла меня в самый центр города и показала мне свой офис. Я увидел много молодежи, которая работала здесь же, в этом бизнес-центре. Вначале меня познакомили с двумя девушками, хиппового плана, которые резко отличались от всех остальных своей манерой модно одеваться, а также обилием контркультурных примочек, включая пирсинг, тату и прочее. Они обе мне сразу понравились своими осмысленными взглядами. Они слушали электронную музыку, эйсид-джаз и читали "культовую" литературу. Конечно, во всем, что они делали, было значительное влияние безудержного стремления угнаться за модой - будь то интеллектуальная мода, мода в одежде, музыке, образе жизни. Но все равно, меня радовало, что я нашел современных людей, очищенных от совковости остальных сотрудников фирмы. Одну из них звали Марина, другую - Карина.

8.

Что касается остальных членов коллектива, то ими оказались довольно серые безвольные мышки. В первый рабочий день из всех мне запомнилась только одна девушка - скуластая молодая хабалка в черных обтянутых брюках, с хмурым выражением лица, стройной фигурой и потрясающим задом. Материализованный женский атлетизм. Ей было 20 лет. Я видел, как она сидела за своим столом спиной ко мне и ела свой творожник. На ней был короткий джемпер, который при малейшем неосторожном движении задирался, обнажая розовые стринги (через месяц я уже знал весь ассортимент ее нижнего белья наизусть). Она всегда чувствовала мои нескромные и сладострастные взгляды и в дальнейшем проделывала такие трюки много раз. У нее был парень, в которого она была безумно влюблена и который все тянул с женитьбой, хотя она делала все, чтобы "залететь".

9.

Итак, Марта представила меня коллективу как кандидата наук, личность во всех смыслах развитую и неординарную. После небольшой речи о моих талантах в детстве, она рассказала всем о том, что я еще пишу стихи, и вообще я очень грамотный человек, и если что - ко мне можно смело обращаться по вопросам написания писем и т.д. Я некоторое время понежился в лучах исходящей ото всех зависти, а затем Марта сказала, что хочет меня познакомить с генеральным директором компании, самим Долбоящером Великолепным.

Я некоторое время подождал в приемной и скоро навстречу мне из кабинета вышел Долбоящер - высокий здоровенный лысый человек с надменным лицом и медвежьими повадками. На вид он был помесью тираннозавра с птеродактилем.

10.

Это Эмиль, тот самый мой племянник, - сказала Марта, представляя меня Долбоящеру.
- Он приехал вчера.

Пауза.

Затем Марта произнесла: «Эмиль, а это Долбоящер, познакомься». Я поздоровался за руку и сказал "очень приятно". "Не торопитесь с выводами, молодой человек, - произнес Долбоящер, - возможно, общение со мной вам будет очень неприятно". Я сразу понял, что имею дело с редкостным кретином, занесенным в Красную книгу.

Марта тут же пригласила обсудить мою дальнейшую судьбу за обедом. И вот мы спускаемся в холл, в котором располагается ресторан. Сначала идет Долбоящер, за ним Марта, время от времени поглядывающая на меня, и уже следом, весь погруженный в свои мысли иду я, Эмиль Петросян, поэт.

Долбоящер заказал себе овощное рагу, стоившее около \$100. Марта спросила, какое мясо я хочу (она знала меня с детства и понимала, как я люблю мясо). Я заказал жареную свинину. Она взяла себе салатик. Конечно, меня удивило, что моя жареная свинина превосходила по вкусоности и калорийности блюда, заказанные Мартой и Долбоящером, но стоила чуть ли не втрое дешевле. «Еще одно из нескончаемых капиталистических извращений», - подумал я.

11.

Долби спросил меня, типа, чем я могу быть полезен для их фирмы и какие у меня вообще планы на будущее. Я ответил, что могу заниматься любой креативной и интеллектуальной работой. Я умный и активный, талантливый и всегда имею свое мнение, а в дальнейшем собираюсь публиковаться и жить на гонорары. Он улыбнулся.

«Ну да, ты же, кажется, еще пишешь» - саркастически произнес Долби, разглядывая меня как какого-нибудь разноцветного моллюска из Красного моря.

«А почему бы тебе не стать журналистом?», - посоветовал он мне. Я сказал, что не хочу опускаться до уровня публицистики (я тогда еще не знал, что Долби закончил журфак).

- Ладно, - потупившись, сказал он, - я слышал, ты экономист, кандидат наук, придумай какую-нибудь интересную тему.

- Какую тему? - спросил я.

- Тему, на которой можно заработать деньги, - пояснил Долби. На этот раз потупился я.

- Я не знаю конъюнктуры, - промямлил я, - да и потом, быть экономистом это одно, а бизнесменом - совсем другое.

Наступила долгая пауза.

- Все ясно, - отчеканивая слова, огласил свой вердикт Долби Серраунд, - не думаю, что мы найдем, чем тебя занять.

12.

В ту ночь я видел странный сон, в котором я читаю лекцию студентам о том, как страшно видеть человеческие зубы, которые люди прячут во рту, но которые способны откусить кусок твоей плоти.

Конечно, я понял, что для этого типа с наглым выражением лица, я всего лишь еще один примитивный провинциал. Мои мыслительные способности и мои знания - ноль, мои стремления - ноль, мое мировоззрение - ноль, моя эрудиция - ноль, вся моя биография - для него абсолютный ноль. Ноль.

13.

Я дома. Тусклый депрессивный свет сливающихся с тучами огней города. Я стою под душем. Ни жив, ни мертв. Воды стекает с меня обильной горячей струей, но мне холодно. Я дрожу от холода. Я словно застрял между адом и раем. Навсегда.

14.

Самое странное и страшное в моем пребывании в Силопагеме это то, что в этом городе я не знаю, что со мной будет завтра - я могу остаться здесь еще на один день, неделю, месяц, год, десять лет или на всю оставшуюся жизнь. Все зависит от каких-то неуловимых поворотов судьбы и стечения обстоятельств. Я чувствовал, что нахожусь в запаянном сосуде хаотичного времени, а потом вдруг осознаю, что это черная дыра и мое существование было в ней полностью растворено, как в кислоте.

15.

Что мы имеем: молодой парень, поступивший на работу одним январским утром. Тонны телефонов, факсов, мониторов, клавиатур, ручек, карандашей, записных блокнотов, ластиков, маркеров, стикеров, скотчей. И лица, лица, лица, которые невозможно отличить от документов. Еще одна история гибели мечты. Тихая саднящая боль, распространяющаяся по телу, как мерзкий и смертоносный яд змеи. Я иду по улице, и вместо лиц - колющие предметы. Я вижу их повсюду. Перочинные ножи, спицы, пики, кинжалы, иглы. Акупунктура взглядов. Я словно дошедший до вершин духовной практики йог, выступающий в дешевом провинциальном шоу.

16.

Пару дней я не выходил из дома, потому что у меня ко всему прочему не было регистрации, еще одного бреда, с которым было очень странно сталкиваться в 21 веке. Правда, мне в основном везло, и меня обычно не останавливала милиция.

Большей частью я лежал на диване, тупо уставившись в потолок. Я приводил свои мысли в порядок. Я приводил в порядок свою голову, тяжелую и неузнаваемую во всем окружающем меня новом контексте. Тетка кормила меня вкусными обедами и успокаивала, рассказывая о том, каким я был в детстве.

17.

Моя тетка, у которой я остановился, была близкой подругой моей матери и любимой сестрой моего отца. Она знала мою мать чуть ли не с рождения. Они росли в соседних дворах и выросли практически в одно и то же время; будучи одногодками, ходили в одни ясли, потом в садик, потом учились в одной школе и т.д.

Затем моя тетка поехала поступать в Силопагем и там же вышла замуж. Однако, она очень часто приезжала к нам. Я помню ее, молодую и красивую, распаковывающую чемоданы, в которых были всевозможные дефицитные гостинцы для всей нашей семьи.

Затем у моей тетки умер муж, и она осталась жить с его матерью. Свекровь ее ненавидела. А во дворе распускала слухи, что тетка с ней плохо обходится и практически не кормит. Я впервые столкнулся с тем, что в этом городе люди могут спокойно тебя оговорить, и им ничего за это не будет.

ГНЕВ

18.

Время расползается, плетя свои паутины. В одной из них на ветру болтаюсь я. Как мошка, которая гастрономически пауку не интересна, но создает некий специфический антураж.

Много слушаю эйсид-джаз. Размышляю о том, что в этом мире все, кроме чисел, определено нечетко. В голове еще слышны гулкие звуки перекачивающихся роликов офисных кресел, звуки звонков и смс, настольные лампы, покашливания, смех, перекрывающиеся струйным принтером диалоги. События в наспех смонтированных кадрах, которые я буду еще долго носить с собой.

Не меняющийся неделями пейзаж за окном, как картина, написанная депрессивным художником. Страстная пульсация жизни в миллиардах делящихся живых клеток.

19.

Первое, что я сделал, когда тетка и Марта подкинули мне денежек на первое время, - купил годаровский "Week-end". Сразу же после просмотра у меня появилась идея фильма: снять детективный фильм, в котором детективы будут совершать преступления, а преступники их ловить. И смех будет являться самым серьезным преступлением, за которое дают пожизненный срок.

20.

Жизнь потеряла краски. Каждое утро я вставал и шел на работу. Мир был уныл и тошнотворен. Засыпал я очень поздно, если спал вообще.

Был февраль. Я выходил из подъезда и шел на остановку, на которой стояли одни и те же люди в одной и той же одежде. Затем садился в маршрутку, в которой сидели одни и те же пассажиры с одними и теми же разговорами и звонками мобильных. Мимо проплывали те же самые уличные пейзажи, лишённые солнца и яркости. Я подъезжал к метро и сходил. В метро я видел тех же людей, что видел в метро каждый день до этого. Я выходил на своей станции метро и заходил в переход, в котором толпились те же продавцы, что и всегда, с неменяющимся товаром. Затем я проходил мимо булочного ларька, в котором всегда в это время покупал сушки к чаю. Потом заходил в здание офиса и поднимался на свой этаж. Выходя из лифта, в курилке я всегда видел одну и ту же крупную женщину с большими сиськами и стройными ногами. Затем я заходил в комнату, где работал. И там все оставалось таким, как и всегда. Те же люди в той же одежде.

И с нами в одном кабинете сидел мой непосредственный шеф по имени Олег (я называл его «Олег лёг»). Который радовался каждому моему опозданию, как ребенок, разворачивающий огромный сверток, подаренный ему на день рождения родителями. Он радовался каждой возможности сделать мне замечание. Тот еще был гандон.

21.

Через несколько дней работы Марта заплатила мне аванс. Но проблема в том, что первое время она не давала мне никаких поручений. Я просто сидел в офисе и хлопал ушами. Я ходил по всем отделам и подходил ко всем сотрудникам, пытаясь предложить свою помощь. Обессиленный, испытывающий огромное чувство вины за

то, что я вроде как работаю, но на самом деле мне нечем заняться, я сидел за свой компьютер и погружался в странные мысли о своей состоятельности. Я ходил по офису и видел, что люди ничем особым не занимаются, просто коротают время до конца дня, осуществляя несколько звонков и потыкавшись в разные файлы.

Что я умею? Что я могу предложить рынку? Что я из себя представляю? Что мне может пригодиться в зарабатывании денег из того, что я знаю? Я неплохо разбирался в экономической теории и эконометрике, но единственное из того, чем я мог здесь заняться, - обзвон с целью привлечения новых клиентов. И кто это умел, зарабатывал лучшие деньги. А я с моими "высокоинтеллектуальными" знаниями и возможностями я был жалок и не нужен.

22.

Схема выживания подобных компаний была проста: дешевле купи - дороже продай. Иными словами, к концу своего "испытательного срока" я ничего эффективного предложить не смог. Марта довольно скоро разочаровалась во мне и растрезвонила всем нашим родственникам, что я глуп, недалек и не обладаю какой-либо фантазией. Что у меня нет хватки, я инертен и бесполезен. Заключительной частью этих недовольств был эффектный финал, типа: "Несмотря ни на что, я не оставлю его на произвол судьбы, я дам ему работу. Кто знает, может, когда-нибудь он, наконец, проснется". И это "великодушие" впредь сидело посылком в каждом ее обращенном ко мне слове.

23.

Прошел месяц. Негативное набирало обороты. Из позитивного же можно было отметить мои достаточно результативные общения с девушками. Для такой цели лучше всего подходили студентки, в которых, несомненно, уже присутствовал жесткий утилитарный рационализм. Однако, к моему счастью, он еще находился в стадии становления. И я ловко пользовался этим. Что же касается творчества, то его просто не было. Первые два месяца я не мог написать ни одной строчки, и это приводило меня в такую депрессию, что от моей самооценки практически уже не оставалось ничего. Работа выцеживала из меня практически любые эмоции, оставляя бесчувственным и опустошенным. Я терял всякий смысл своего существования.

24.

Говорят, что жизнь является сплошным воспоминанием. Мы постоянно думаем о прошлом, соотнося себя в настоящем со своим образом из прошлого. Мы пытаемся понять, что с нами за это время произошло и к чему мы в результате пришли. Мы постоянно думаем о будущем, отыскивая в настоящем следы его присутствия. И будущее вспоминается так же, как и прошлое. А может, будущее – это калька с прошлого. Иногда я думал о том, что прошлое и будущее симметричны по отношению к каждой точке настоящего. Или правы этерналисты – и все происходит одновременно, в одном единственном моменте.

25.

Теперь попробую вкратце описать некоторых людей, с которыми мне пришлось работать целых полгода, мучительных, самозабвенных, губительных, безжалостных и античеловеческих полгода. Поскольку они все не вымышленные персонажи для удобства изложения я упомяну только прозвища, которые я им давал.

1. Алконавт. По образованию юрист. Неплохой парень. Характер не стойкий, далеко не нордический. Любит выпить. Как напьется, бежит за город или в ближайший лес. В глубине глаз есть что-то от безжалостного маньяка с пониженным тестостероном. Бездельник. Строил из себя человека маргинального и контркультурного, хотя за все время моего общения с ним не выдал ни одной интересной мысли. И, кстати, слушал шансон.

2. Дудурище. По образованию юристка. Дура каких мало. Большого о себе мнения. На обеих ногах родимые пятна в районе икр - какие-то пиратские черные метки. Манера говорить выдает ее истинное призвание воспитательницы в детском саду. С самого начала положила на меня глаз, но вела себя так, как будто это я ее домогаюсь.

3. Кеша. Болтушка. Добрый отзывчивый человек. Провинциальная по своим манерам и взглядам. Крайне стрессоустойчива. Всегда со мной перемывала косточки всем нашим сотрудникам и непринужденно шутила.

4. Шлюшка. Нервозна. Манера общения неудовлетворенная - как сексом, так и жизнью. Вместе ездили домой. Моя ровесница. С первого же дня взяла надо мной шефство. По дороге домой отпугивала от меня в метро всех самых интересных телочек.

5.Сюсюка. Хитрый паренек. Склизкий и аккуратный. Доносил шефу все, что слышал от меня или кого-нибудь другого. Пару раз просил у него ластик. Оба раза зажал.

6.Элик. Трудоголичка. Девушка с абсолютно круглым лицом. Исполнительна, но глупа, как гусыня. Короткие крючковатые ноги при вполне нормальной заднице. Одномерна, как треугольник АВС. Общались только по работе. Иногда у меня возникало сильное желание использовать ее дискообразное лицо в качестве снаряда для метания.

7.Лосось. Нормальный парень. Тоже Весы. Стиль мышления гуманитарный. Легкомысленный. Однообразный. Приколист. Самодостаточен. Конформист. Мы практически не общались.

26.

В компании на вершине пирамиды сидел Долдон обыкновенный, солнцеликий фараон, самоуверенный и психически неадекватный человек. Он сразу невзлюбил меня, называл меня партизаном и придавал этому слову крайне негативный окрас.

Долби (он же Долдон или Дороти) можно отнести к той группе людей, которые достигнув благосостояния, считают, что проникли в тайны мироздания и обрели Высшую Мудрость, а следовательно, и "великодушные" поучать людей жизни. Этот тип людей в дальнейшем мне будет встречаться особо часто.

Изначально, он совершенно добровольно вызвался учить меня, как нужно строить деловые отношения, и вообще, какими жизненными принципами нужно руководствоваться, чтобы добиться в жизни успеха. Во всех его фразах, мыслях и поступках сидел тот самый мелкобуржуазный маньеризм, от которого меня всегда выворачивало. Все стены офиса были увешаны "оригинальными" арт-объектами в виде нацистских газет времен войны с СССР (хотя Долби был еврейских кровей), унылыми гравюрами 19 века и фотографиями дворянских усадеб.

Я понимал, что больше всего на свете, этот человек хочет быть оригинальным. Но оригинальными рождаются, а не становятся. И он это знал. И винил в этом всех, кто его окружал: родителей, жену, детей, сотрудников. И все с покорностью выслушивали его бред и терпели его хамское отношение. Я же отличался от всех людей его окружения своей фактурой. Оставался самым собой: не льстил и под него не подстраивался.

27.

Сейчас я растерянно смотрю на себя в зеркало. Мой двойник. Мой единственный друг. Единственная радость – творчество. Каждый раз, когда мне удастся улучшить минутку, я сажусь за продолжение этого романа. Вот и сейчас. Я снова и снова кружу по происходящим со мной событиям и понимаю, что двигаюсь по бесконечной спирали. События вложены друг в друга, как матрешки.

Мне нужно обязательно съездить на книжную ярмарку, купить новые книжки. Вчера я прочел последнюю из имевшихся у меня книг. Я целый день сижу без книги. Меня ломает. Я пытаюсь писать, но чтобы писать, мне нужно читать. Я снова провожу глазами по своей книжной полке. Все перечитано и зачитано. Надо идти за новой дозой.

28.

9 февраля. Вечер. Я работаю один на кухне. В тетиной квартире все спят. Я работаю над этим самым романом. Этот распорядок уже прочно вошел в мою жизнь - я не сплю до трех, а просыпаюсь в семь. Сейчас десятиминутный перерыв на чай. Мои мысли несут меня, не давая оглянуться. Передо мной мелькают люди, слова, маленькие и большие вещи. Голоса людей, доходящие до меня словно через какую-то металлическую трубу.

Свет фар с улицы вдруг осветил окно. Я мыслю, но существую ли я? Вечность выбирает своих жертв. Очень хочется верить, что я буду жить в книгах, но удастся ли мне пожить и в реальном мире? Мне остается только наблюдать за тем, как моя жизнь множит вокруг себя односторонние миры, по которым беспрерывно перемещается мое существование. Моя жизнь, похожа на камень, брошенный в пропасть и не достигший дна.

29.

Как-то я заметил, что общаюсь с людьми через звуконепроницаемую перегородку, словно заключенный, вызванный на свидание.

Иногда я открываю окна и двери своей души, и мне кажется, что мое одиночество рассеялось, и звуки, доносящиеся с улицы, продолжают будить мое воображение, которое впало в летаргический сон.

Я начинаю припоминать отдельные факты жизни, и это напоминает мне вращение по непонятной орбите вокруг черт знает чего. И вот в какой-то ничем не примечательный день я выкладываю все постороннему или случайному прохожему. Все, что даже сам о себе не знал. Я пытаюсь вернуться в себя, но замок сменен.

30.

Первой моей прочитанной книгой по приезду в Силопагем было "От никто к нечто" Борхеса. С первой же страницы я почувствовал, что эта книга вызовет некоторое облегчение в моей измученной психике. Я читал эту книгу в метро - сидя, стоя, в толчее людей, на забитых толпой станциях кольцевой. Знание предполагает узнавание. Сквозная мысль всех рассказов из этой книжки - бесконечность. Бесконечность в вещах, словах, людях, историях, поступках, смыслах, отношениях, числах, течении времени, параметрах пространства, фотоснимках, улыбках, рукопожатиях, сопоставления и сравнений. Бесконечность знакомых слов с ускользающими значениями.

Моя жизнь как нагромождение безвыходных ситуаций. Глаза моей бывшей возлюбленной как прообраз геометрических прогрессий. Омерзительные передвижения вслепую и кошмары узнаваемых ситуаций. Чудовища, общающиеся с зеркалами. Утренние птенцы поцелуев малознакомых девушек, вывалившиеся из гнезда. Бегущая строка взглядов. Пространство, распускающееся и увядающее, как цветок.

31.

2-ое марта. Недавно сдох тетин компьютер, который накрылся из-за вируса, попавшего вместе с моей электронной почтой. Тетка винит меня. В кухне накурено, дым рассеивается как в фильмах о Чернобыле. Я задыхаюсь. Я чувствую себя единственным уцелевшим человеком, переживающим атомную зиму. Голова кружится. Мне некуда пойти и нечем заняться. Все, приходящее на ум, тут же становится бессмысленным.

Тетка зовет меня из гостиной, звонят родители. Я говорю с ними по телефону, и мне кажется, что они так далеко, словно на другом конце галактики. Я возвращаюсь на кухню и пытаюсь допить свой остывший чай. Сегодня мне наконец выписали пропуск на работу. Но я по-прежнему не могу смотреть на то, как охранники брезгливо разглядывают мой паспорт, все кому не лень спрашивают мою регистрацию, которой у меня нет. Я не могу спрятаться от призраков захороненных здесь моих грез.

32.

7 марта. Уже неделю я наблюдаю одну нашу коллегу. Ее задницу, готовую в любой момент выпрыгнуть из штанов. Я приглашаю ее в кино. В тот же вечер мы оказываемся в ее комнате на окраине города. Убогая комнатка и роскошное тело. Ночь была долгой и прекрасной. Не думал, что ларчик так быстро откроется. Очень хочу проникнуться к ней, чтобы почувствовать хоть какую-то влюбленность. Но место в моем сердце еще занято, и фрау Анна не собирается выходить

33.

Люди, люди, как много людей в этом городе! Иногда в моем сознании происходит глюк - и все люди мне кажутся одинаковыми на лицо. Я уже не различаю людей по половому или возрастному признаку. Каждый для меня не отличим от всех. Все совершенно идентичны. Поток штампованных биологических поделок. Я чувствую, как они воняют и потеют, как они беспокоятся и волнуются, пытаюсь протиснуться через себе подобных, спешащих так же, как и они, беспокойных так же, как и они, молчаливых так же, как и они, утепленных так же, как и все, безнадежных. Я боюсь их. Я словно человек, внезапно осознавший, что всю жизнь прожил среди пришельцев, которые заполонили все, диктуют свои правила и никогда тебя не поймут.

34.

Метро. Уже не пытаюсь встретить взгляд другого, люди в конце концов перестают видеть друг друга. Человек, читающий книжку "Как продать себя". Девушка, зажимающая между ногами цветы.

Города, в которых человек скитается, как Христофор Колумб в поисках Америки. Толпа, реагирующая как единый приработанный механизм выживания. Разведение жизни в бетонных коробках квартир.

ТОРГ

35.

1 марта. Я наконец получил зарплату. Теперь у меня есть деньги на обратный билет. Я не знаю, насколько еще меня хватит.

Перед тем как получить зарплату мой босс Долби снова назвал меня партизаном и сказал что-то на немецком (редкостный придурок). Он пытался вытянуть из меня мои мысли об одном из очередных его нелепых проектов. Я сказал, что проект очень даже ничего, но требует доработки. Он согласился и попросил написать свои мысли в виде справки.

После это ко мне подошел Олег-лег, мой прямой шеф, и ядовито спросил меня: "Ну, как тебе получать зарплату, ничего не делая? Хорошо устроился". А затем как бы в шутку добавил: "Понаехали тут". У него было все, что нужно - крутая машина, дача, молодая жена, дети от разных браков, любовницы, целый отдел подчиненных, а он искал какой-то подвох и угрозу во мне. Однозначно пойдет в мою коллекцию мерзавцев.

36.

Все время моей работы с Долби и Олегом я пытался понять их, осмыслить их негативное отношение ко мне. Это значительно облегчило бы мне жизнь. Я пытался найти в них что-то человеческое, доброе, неоднозначное. Что-то, что может придать выпуклость их характерам и внести драматургию в мое повествование. Но как я ни пытался, я так и не нашел в них черты сложных и неоднозначных личностей, которые требуют глубокого анализа и понимания. Я имел дело с мерзавцами – и этого было не изменить.

37.

Конечно, помимо всего прочего, в этой стране я изгой, здесь у меня нет никаких прав и свобод; некогда национальный капитал, превратившийся в дешевую рабочую силу, вынужденно покинувший родную страну, превратившуюся в банановую республику, страну, которую окончательно разграбили, изнасиловали и уничтожили, страну в которой я не видел будущего.

38.

Надо отдать должное изобретательности Олега, он делал все, чтобы меня уволили с работы. Он доносил Долби, что я опаздываю на работу, постоянно где-то шляюсь и трачу на перерыв намного больше отведенного времени, что я не справляюсь с работой, ничего не успеваю, ничего не делаю.

Но Долби стал мало-помалу налаживать со мной отношения, советоваться со мной, делиться новыми деловыми замыслами, говорить о жизни и обществе. Он тоже не любил конченных людей, вроде Олега, хотя сам был таким же. А вот этот парадокс следовало бы изучить полнее. Но у меня не было на это времени. Я был занят выживанием.

39.

На работе я большей частью ни с кем не общался. Все бесконечно матерились, были лишены вкуса, эрудиции, цивилизованных представлений о мире, обществе и человеке, да еще к тому же совершенно не читали книг. За исключением Марины и Карины, которые ни с кем из "этих" не общались, а со мной общались дозированно.

Я не одевался как они, не был увешан модными цацками, на мне не было ни пирсинга, ни татуировок, я не тусовался в модных ночных клубах, у меня не было своей компании - я был один в этом городе, у меня не было денег, девушки, собственной или съемной квартиры, не было тачки, у меня даже не было водительских прав, что в их системе ценностей было приравнено к отсутствию свидетельства о рождении. По всем их параметрам я был лузером. Правда, им было забавно слышать от меня, что я неизвестный поэт, начинающий с нуля, приехавший в Силопагем, чтобы стать всемирно известной личностью.

Да, по всем понятиям они были продвинутыми, ведь они совершили хадж на Ибицу, часто бывали на Казантипе, тусили неделями и размещали видео со своими пати в интернете. Они во всем следовали моде. Вместо мыслей, у них была мода. Вместо внутренних убеждений - мода. Вместо жизненных принципов - мода. Мода была всем в их жизни. Они не были интеллектуалками, но читали то, что читают интеллектуалы, слушали то, что слушают интеллектуалы, говорили о том, о чем говорят интеллектуалы. Они подкидывали мне новейшую электронную музыку, рассказывали клубные новости. Возможно, они относились ко мне как к Золушке, которая никогда не станет принцессой.

40.

Несмотря ни на что, Марина и Карина мне нравились. Они резко выделялись на фоне остальных сотрудников фирмы, беспрекословно и безынициативно выполняющие свою монотонную и бессмысленную работу. Они увлекались кабалой, теософией и прочим калом. Они подкидывали мне книжки этой тематики, объясняя свои пристрастия тем, что сейчас весь прогрессивный мир открыл для себя нечто новое в религиозной мистике. Но, по своей сути, я всегда был в большей степени марксистом, поэтому считал, что Искусство не должно замыкаться на самом себе. Искусство должно менять жизнь к лучшему, спасать людей. Оно должно быть активно. Оно должно быть здесь и теперь.

41.

23 февраля. Коллеги по работе дарят мне на мужской праздник чернильную ручку. Первую дорогую перьевую ручку за всю мою жизнь. На радостях я изрисовал ею целую тетрадь.

42.

Весна. На улицах куча народу. Я видел, как избивали негров на улице Табра. Все делали вид, что ничего не замечают - от прохожих до милиционеров. Силопагем - населенная пустыня.

Говорят, что большинство домашних животных перекочевало в наши квартиры и дворы из культовых ритуалов древнего Египта, где они представляли в качестве самостоятельного божества или сопровождающего божество священного животного. Пропитанные сытым спокойствием и пластикой аксессуаров капитализма. На улице Тарба много бомжей. Нищие в общественном сознании стоят ниже уличных животных. Такова ужасная правда жизни.

43.

Память подобна вселенной, и в ней ты можешь найти все что угодно, включая битвы своих предков с динозаврами.

Утро. Сирены. Количественные и качественные изменения. Яркие цвета на мокром асфальте. Реклама распространяется и потребляется как кислород. Простые игры, в которые играют сложные люди. Сложные игры, в которые играют простые люди. Люди, улыбающиеся самим себе. Люди, хмурые и строящие рожи самим себе. Ужасающее разнообразие лиц. Старика с тридцатилетними лицами.

44.

Почему люди живут в Силопагеме? Их объединяет разве что внутренняя наэлектризованность, происходящая от их скученности. Только здесь могла возникнуть та странная форма концептуализма, который впоследствии будет назван московским.

Ведь что такое искусство в крупных городах – по сути, это всего лишь знак: "Меня зовут так-то, я существую, и я неразделим в этой среде".

45.

Воскресный день. Центр города. Приезжие и горожане. Молодежь, наглая и вычурная, пустая и беззаботная, толпящаяся на каждом шагу. Они называют себя тусовщиками. Горячка бессмысленной победы над пустотой. Всюду царит какое-то опасное безразличие, которое распространяется по городу с силой вирусной инфекции. Силопагем - гигантская голограмма. Непристойность очевидности.

46.

Моя жизнь, или моя иллюзия, продолжается. Здесь много насекомых в человеческий рост, вес и вид. Даже больше, чем в моем родном городе, хотя его я считал столицей человеческой гадости. Все были заражены жаждой наживы, которая не останавливала их ни перед чужим горем, ни перед сохранением человеческого достоинства. Я наблюдал их и постоянно удивлялся их образу жизни, целиком построенному на кровожадности и прожорливости. Эти полчища насекомых, выползающих из всевозможных мест и заводящихся в среде твоего обитания бог знает откуда. Они всегда могли меня достать, даже если я не выходил из дома.

Сейчас у меня нет плеера, поэтому я включил Fashion TV и слушаю музыку с показов. Играет Café del Mar. Я постоянно что-нибудь слушаю, потому что я боюсь тишины. Она меня пугает. Тишина - дыра во времени. Проблема в том, что в каждый момент тебя могут прихлопнуть как мошку. Ты мысленно пытаешься найти существованию мошек какое-нибудь оправдание, ведь эти маленькие существа являются важной частью питательной цепочки. Хотя они и способны пролезть практически во все поддающиеся воображению отверстия, сами по себе они не страшны. Большинство из них невероятно выносливы, просто не нужно дожидаться, пока кому-нибудь в голову придет мысль рассмотреть тебя в микроскоп.

47.

Здание силопагемского университета. Именно здесь много лет назад мне на руку села божья коровка, и я загадал желание, что буду учиться в этом храме науки. Вышло все по-другому. Но я по-прежнему захожу сюда. Здесь работает моя тетя, которая много раз мне все здесь показывала и объясняла. Но несмотря ни на что в этом вузе есть что-то невузовское. Заходя в центральное здание, возникает ощущение, что попал в какой-то чрезвычайно изысканный бордель, обещающий своим посетителям неизгладимые впечатления и воспоминания. Все это здание - одна сплошная каменная шлюха, горделиво возвышающаяся над всем и вся. В этом здании сплелись воедино и гостиница, и министерство иностранных дел, и жилой дом, и бюрократический конгломерат. Это здание пугает меня как проявления парникового эффекта. Именно здесь я гулял в теплые весенние деньки с одной своей прекрасной знакомой, белокурой бестией с охренительной фигурой. Мы с ней прогуливались по набережной, а потом я сказал: а давай поднимемся в университет. Зачем тебе университет? - засмеялась она.

И я схватил за ее чудные увесистые груди и впился в них, как кровосос. Она смеялась, а я плакал в сердце своем. Никогда в жизни мне еще не было так хорошо и так страшно одновременно.

48.

Зима закончилась. С ней ушли первые волнения, уступая место вторым, третьим, четвертым и так далее. Когда мне становилось совсем невыносимо, я садился в трамвай и проезжал с конечной и до конечной. Что ни говори, весна начиналась отвратительно. Грохот зимы сменился какой-то замогильной тишиной и покоем. Люди выводили гулять собак и детей. Многие просто бесцельно скитались по городу, соскучившись по хорошей погоде. Моему глазу все чаще попадались высвободившиеся из-под зимних пальто стройные женские фигуры. Я проезжал мимо, словно находясь в совершенно другой инерциальной системе отсчета. Отвратительная вездесущность зеленых насаждений как навязчивая мысль о смерти. Все вдруг кажется таким незнакомым и недоброжелательным. Хочется поскорее смыться и не возвращаться сюда никогда.

49.

8 марта. Сегодня женский день. Несколько ярких фигур исчезают в праздничной суете. Я не могу писать. Это все равно, что ковыряться в своей смертельной ране. Дни слетаются, как голуби, и я кормлю их с руки. Они наедаются и взлетают ввысь. Сколько рассветов растворено в моих бессонных глазах. Страсть, пульсирующая и пылающая во мне, как гейзер.

Темнеет. Индустриальные равнины с имплантированным светом, сверкающие в ночи, как корабль инопланетян. Транспорт, секс, семьи как наглядные признаки успеха, огромные монументальные белые здания, застланное облаками подсвеченное небо, разделение труда.

50.

Табра. Улица весны, света, радости, звонкого смеха, выступлений уличных артистов. Яркие статные длинноногие и полногрудые девичьи фигуры. Откормленные

душистые люди в уличных кафе. Повсюду неформалы, аскающие деньги у граждан. Выставки домашних животных. Ход кришнаитов. Музыкальные магазины с попсовой музыкой. От небольших группок зашнурованных в кожу людей разносится аромат насилия и пивной дух. Все противоположности сошлись на этой улице. Нищие, выпрашивающие мелочь, на фоне папиков с туго набитыми кошельками и крашеными волосами. Ухоженные путаны, цепляющие под видом туристов состоятельных клиентов, и неказистые девушки, собирающие подписи за союз девиц. Металлисты с сатанинскими текстами на майках и монахи, собирающие пожертвования. Музыка регги, под которую бьют цветных. В этой улице - гармония хаоса. Улица света и отстойник Системы.

51.

В самый расцвет весны к тетюшке, у которой я жил, приехала моя другая тетя, сочинская. Это был очень веселый и светлый человек. У нее были довольно забавные инициалы - Ж.П. Она всю жизнь проработала учителем математики в школе и в настоящее время находилась в "предпенсионном" отпуске. Несмотря на свои 60, ее любимым каналом было MTV. Тетя Ж. знала наизусть все популярные песенки и постоянно их мычала себе под нос. Она рассказывала о своей даче, маленьком домике со странной архитектурой. По форме он очень напоминал скворечник. К тому же он располагался на полянке в лесу, "недалеко от пляжа". А эта полянка просто кишела змеями и прочей полевой тварью. Я помню то знойное лето, когда я впервые посетил этот домик. До пляжа было км 3, не меньше. И находился он на горе, так что к нему надо было долго и мучительно подниматься. К тому же, к нему не была подведена вода и прочие удобства цивилизации. Но тетя чувствовала себя в нем как птица, выпущенная на волю. Она очень гордилась им и таскала туда всех гостей, которые приезжали к ней отдыхать. Я помню и тот шашлычок, который я зажарил впервые в жизни тут же на полянке. Мы взяли с собой немного курицы, чтобы зажарить. И поскольку я был единственным мужчиной, то шашлыком заниматься выпало именно мне. Я подошел к делу с научной тщательностью: разрезал курочек на куски, замариновал, нанизывал мясо на шампур, оставляя небольшие зазоры и т.д. Мясо получилось очень вкусным, и поскольку мы все сдыхали с голоду, то сразу на него и набросились. Чудесные были времена!

А потом я лег в гамак и отдыхал, уставившись на паука на потолке. Он тоже сонно и сыто смотрел на меня. Через несколько минут «гляделок», мы оба заснули. А когда я проснулся, его уже не было. «Наверное, ушел по делам», - подумал я.

52.

Надо признаться, что под руководством Долби, я чувствовал, что у меня срывает крышу. Тем более, что он постоянно меня грузил по поводу того, что я ни хрена не делаю. Да и вообще сложно что-то делать, когда основной стратегией фирмы является "пойди туда не знаю куда и сделай то не знаю что". Он создал в фирме такую атмосферу, что все принимали от него зарплату, как ежемесячный подарок, подачку. За это он их с остервенением мучал. И вот, в качестве кандидата экономических наук, он поручил мне переводить фильмы, которые собирался запустить в прокат.

Разумеется, ни один фильм он в дальнейшем так в прокат и не запустился. Но мне предстояло перевести 9 полнометражных испанских фильмов за две недели. Я переводил с английских субтитров. Эти фильмы убивали меня своим хронометражем, где-то по два часа каждый. И я переводил с раннего утра и до поздней ночи, а последние два дня так я вообще не спал. Потом все эти фильмы я синхронно озвучил для работников фирмы, чтобы они были в курсе того, что продают. Потом я набрал все тексты переводов на компьютере, приведя все к литературному переводу с максимальным подгоном фразы к контексту, и в заключении сделал редакторскую правку всего. За всю эту безумную работу я намеревался получить хотя бы по 100 баксов за фильм поверх зарплаты (у меня была зарплата \$500). Но в результате я получил только свою зарплату +100 баксов типа премии. Я был так зол, что готов был перестрелять всех этих рабов, их толстого рабовладельца и скрыться с этой галеры к чертовой матери. Но мне приходилось держаться за эту работу. У меня не было выхода, ведь я блин гребанный нелегал.

Но зато после этих бесконечных переводов, я полюбил Испанию, этот потрясающий край солнца, моря и великих художников. Я хотел бы плюнуть на все и уехать жить в Барселону... Может, я так и сделаю. Когда-нибудь.

53.

Люди толпились на остановке, подобно животным на водопое. Когда я наконец набрался смелости и посмотрел на человека, размахивающего флагом своих волос, то абсолютно ясно понял, что моя работа убивает меня с каждым часом.

54.

15 марта. Я сочиняю рассказ о драконе и тут же рассказываю его Марине и Карине под чай с тортиком в корпоративной столовой. Итак, в большой город приезжает молодой человек. Ему очень нужна работа, поэтому он с огромной радостью откликается на приглашение пройти собеседование в одну довольно солидную компанию. Пройдя собеседование, топ-менеджмент решает взять этого человека на испытательный срок. Парню показывают его рабочее место и дают самую рутинную работу и предлагают к концу испытательного срока обзавестись возникшими новыми свежими идеями по поводу той рутины, которую он выполняет. Не понимая сути и смысла задания, он принялся за работу. Он старался всем понравиться. Эта работа была позарез ему нужна. Испытательный месяц тянулся очень медленно. Наконец, пришло время, когда генеральный директор должен будет ему сообщить, остается он или нет. Он никогда не видел этого гендиректора, но много о нем слышал, - что тот строгий и умный, и вообще очень важно для карьерного роста произвести на него впечатление. И вот этого парня вызывают к гену. Он сильно волнуется и, наконец, заходит к нему в кабинет. Вдруг, несмотря на здравый смысл, которого он всеми силами пытался до сих пор держаться, парень видит перед собой... дракона. Самого настоящего дракона. Дракон сидит в роскошном кожаном кресле и курит сигару. Парню сначала кажется, что ему на нервной почве все это привиделось, - он отворачивается в сторону, потирает глаза и... снова видит дракона. В это время в кабинет гена входят члены Правления. Никто не обращает никакого внимания на то, что во главе стола сидит дракон. Дракон приглашает парня присесть рядом с ним и задает разные вопросы. Парень собирается с силами и отвечает на все очень удачно. И вот совещание закончено, члены Правления выходят из кабинета гена и поздравляют своего нового сотрудника. Но парень в шоке. Он не понимает, то ли у него совсем съехала крыша, то ли люди настолько слепы, что ничего не замечают. В течение всей последующей недели парень понемногу и очень осторожно расспрашивает у сотрудников, не замечали ли они нечто странное в боссе. Все смотрят на него круглыми глазами и не могут понять, куда он клонит. Через еще одну неделю парень понимает, что так дальше продолжаться не может и записывается

на прием к генеральному директору. Генеральный пребывает на редкость в хорошем расположении духа и принимает его, и парень выкладывает все, что у него на душе. Дракон смеется и советует парнишке пару дней отдохнуть, прийти в себя. Парень, конечно, понимает, что на почве стресса, связанного с испытательным сроком и острой необходимости в деньгах, у него могло что-то произойти с психикой. Но он видит дракона слишком явно, он видит все его многочисленные складки на зеленовато-серой морде. Все кончается тем, что через несколько дней парня прямо с рабочего места забирают в психушку. И когда его выволакивают из офиса, он вдруг видит безразличные лица сотрудников, из-под которых проступают черты драконов.

55.

16 марта. Я с утра до вечера копаюсь в интернете в поисках нового рабочего места. Я хочу работать копирайтером, писать рекламные тексты и разрабатывать рекламные стратегии, но у меня по этому направлению нет опыта работы. К тому же у меня нет гражданства, а следовательно, в этой стране я не имею права на труд и все остальное, я здесь бесправен. Это делает поиск работы практически невозможным.

Я не признаю границ. Не признаю гражданства или подданства. Я человек и живу на планете Земля. Следовательно, я имею право спокойно по ней передвигаться во все стороны - жить, работать, любить там, где хочу. Я хочу делать то, что я хочу. И никогда не делать того, чего я не хочу.

ДЕПРЕССИЯ

56.

25 марта. В этом обществе все однозначно. Как убийственно это понимать. Одномерность событий и симуляция жизни. Я вижу людей, имитирующих людей; эмоции, имитирующие эмоции; отношения, имитирующие отношения. Никакого единения, одно глобальное разобщение и омерзительное безразличие. Одинокие толпы. Маленькие белые мышки, снующие вокруг сытых удавов. Я помню, как меня в детстве водили на выставку змей. Я увидел целую кучу разнообразных змей. Но больше всего меня поразили удавы. Огромные толстые змеи в огромных террариумах.

Их очень хорошо кормили. И в террариуме каждого из этих чудовищ всегда находилось по 5-6 белых беззаботных и спящих по удаву мышек, на которых сытый удав не обращал внимания и которые просто ожидали своего часа быть съеденными. Этот образ я запомнил на всю жизнь.

57.

Каждый день, входя в лифт, я замечаю покрашенную красным маркером новую кнопку. Закрашивание идет снизу вверх, то есть с нижних этажей. Я живу на десятом. Интересно, что произойдет, когда закрасят мой этаж?

58.

Мне всегда нравились девушки с экзотической внешностью. В Силопагеме довольно часто можно встретить таких. Как-то на остановке я повстречал одну такую девушку. Она была очень красива - что-то необычное и влекущее в лице и заднице. Она ждала своей маршрутки, и вокруг нее толклись парни, украдкой поглядывающие на нее. Я подошел к ней и спросил, откуда она. Она сразу со мной заговорила. Рассказала, что живет в Силопагеме уже шестой год. Мы поговорили с ней о том о сем и договорились встретиться на субботу. Я не мог дождаться субботнего дня, все прикидывал, какова она в постели. И вот мы наконец встретились в парке. Сначала она что-то рассказывала о каруселях перед входом в парк и о том, как у нее здесь когда-то было романтическое свидание с парнем, который сейчас далеко-далеко. Но потом замолчала и дальше старалась слушать меня.

Мы начали гулять по парку. Я наконец мог внимательно разглядеть ее, без спешки и вблизи. В этот раз она пришла в топе, обнажив свой, как оказалось, совершенно дряблый живот. На лицо она была очень даже ничего, и на нее многие оглядывались вслед, но вот живот долго не выходил у меня из головы. Ну да ладно, хороший секс может добавить ее животу привлекательности.

Потом мы сели в кафе, и она сказала, что с ума сходит по мороженому. Теперь мы могли поговорить о чем-нибудь приятном, был прекрасный майский день, светило солнышко и люди наслаждались отдыхом. Но она вдруг стала расспрашивать меня о моей работе, планах на будущее и прочем кале. Она очень удивилась, что у меня нет машины, и более того, я совершенно не умею водить. Она была ужасно разочарована.

Потом разговор перешел в совершенно неприятное для меня русло, - она стала рассказывать про своих близких и знакомых, у которых уже в моем возрасте есть все (в смысле полный джентльменский набор - высокооплачиваемая работа, благоприятные перспективы роста по служебной лестнице, а также традиционная триада "хата-тачка-дача"). Из всего сказанного ею следовало, что поскольку у меня нет практически ничего из "необходимого материального", то я ничто.

Честно говоря, я не выносил таких женщин, но поскольку считал этот тип одним из наиболее распространенных, со всем тщанием пытался изучить каждый попадающийся мне экземпляр. Более того, в общении с ней я заметил еще одну очень интересную вещь, о которой чуть позже.

Таким образом, мы говорили с ней о какой-то ерунде, и она со своей глупостью и мещанской психологией напрочь убивала во мне охоту общаться с ней. Потом мы вышли из кафе и пошли смотреть на реку. Начинался закат, она говорила о том, что он очень романтичен, но в то же время не позволяла даже прикасаться к себе. Внизу под нами проплывали водоросли, и она рассказывала о том, как любит морепродукты (я их терпеть не могу). Я смотрел на ее дряблый и покрытый легким черным пухом живот, и он мне казался пузом какого-то морского чудовища.

Потом я устал стоять и присел на ступеньку каменной беседки, возле которой мы стояли. И пригласил ее сесть возле меня. Но она наотрез отказалась, приняв это чуть ли не за оскорбление: "Ты разве не знаешь, что девушкам вредно сидеть на камнях". "Почему это?" - спросил я. "Да потому что мы - будущие мамы" - строго смотря на меня ответила она. На прощание она меня поцеловала в щечку и сказала, что позвонит. Я в ответ улыбнулся рот, и мы разошлись. Она мне еще некоторое время звонила, но never again.

59.

Наконец пришло лето. Лето, которое я так долго ждал. Лето теплых сладких тел, поигрывающих в солнечных лучах. Я продолжал искать новую работу. Я ежедневно рассылал кучу резюме на всевозможные мейлы и постоянно получал отказ. Я размещал свои данные на сайтах вакансий и за почти полтора года моих непрерывных участия в анкетах на поиск работы, ни один из работодателей мне так и не позвонил.

60.

В один из теплых весенних дней мне позвонил Мистер С., старый друг, с которым я работал когда-то в банке и подружился на почве любви ко всему западному. После почти года воздержания от употребления армянского языка, я говорил с ним, не переставая. Он приехал в Силопагем, чтобы открыть какой-то «грандиозный бизнес». Мы встретились у памятника Пушкину, был красивый весенний день, и мы решили прогуляться по городу. Я рассказывал о своей жопной работе и о том, что меня уже все достало, а он рассказал о бизнесе, который собирался открыть. Фирму надо было раскручивать с нуля, поэтому ему нужен был близкий и башковитый человек. Я с удовольствием принял его предложение поработать вместе. Зарплата была чуть ниже, но он еще предложил снять на двоих двухкомнатную квартиру за счет фирмы. И я согласился. Мы договорились, что с новой недели я работаю у Мистера С.

61.

16 июля я подошел к Дракону и сказал, что собираюсь уйти. Сначала он был в шоке. Тем более, что он собирался послать меня в Венгрию, чтобы представлять фирму на кинофестивале документальных фильмов. А потом сказал, что моему поступку нет названия, что я бросаю фирму в минуту, когда она во мне очень нуждается (что-то я этого не замечал по зарплате), и что за такие выходки, как моя, обычно бьют по морде. Я никак не мог понять, зачем он это говорит и что он имеет в виду. Я это понял немного позднее, когда не получил ни копейки расчета, хотя фирма оставалась мне должна за предыдущий месяц. Напоследок Дракон сказал, чтобы я ему позвонил, как только передам все дела. «Ок», - ответил я. Я был совершенно на мели и думал, что он наверно хочет дать мне расчет, но как наивен я был...

Я уходил из этой фирмы с радостью. Все меня целовали, желали удачи на новом месте и вообще говорили хорошие слова, кроме этого конченого Олега. Я видел, какое облегчение выступило у него на лице. Поистине, некоторые люди - омерзительнее собачьего дерьма. Я абсолютно ясно ощущал, что остров невезения остался позади.

62.

18 июля. Я переселился в новую квартиру. Мистер С. выделил мне комнату побольше, со столом, книжным шкафом и телевизором. Он говорил, что мне для работы просто

необходима такая комната. И в самом деле, это была первая комната в жизни, которую я ни с кем не делил и в которой меня все устраивало.

Грег, наш третий компаньон и брат нашего друга, помог мне перевезти от тетушки все мои вещи. Я стал обживать комнату.

63.

Поскольку компьютера у меня не было, я позаимствовал у тетушки ее старую пишущую машинку. По ночам, после работы, я садился за нее, как настоящий писатель, без денег и перспектив, и чувствовал, что мир принадлежит мне.

64.

Примеры из жизни против примеров из сна. Лабиринт желаний, в котором я безнадежно пропал.

Поначалу Мистер С. считал меня великим, но непризнанным поэтом, и старался помогать во всем. По вечерам мы беседовали на философские темы, в которых я раскрывал свое отношение к Человеку, Мирозданию, Истине. Я видел, как внимательно он меня слушает, и это было для меня лучшей наградой за свое красноречье. Теперь мое новое окружение идентифицировало меня в качестве поэта, и я мог вести себя так, как я и привык, - то есть всегда и во всем быть самим собой. На всех моих прошлых работах и в университете я скрывал серьезность моего увлечения искусством и литературой, поскольку всем это казалось иррациональным и бессмысленным, а они считали меня человеком умным, в смысле практичным. Но здесь у Мистера С. я сразу же развесил по стенам репродукции Ж.-М. Баскье и скаченные из интернета детские рисунки. Я чувствовал себя как рыба в воде.

Компания Мистера С. занималась телекоммуникационными делами, в которых я мало что понимал, но быстро разобрался и стал кем-то вроде технического директора.

65.

Иногда возникает такое ощущение, словно лежишь на операционном столе.

22 июля. Один хуевый день из жизни Эмиля Петросяна, смешного и трагичного, идолопоклонника и низвергателя.

Мне позвонил бывший друг, который оказался игроманом и все проиграл в казино, а потом бежал в другую страну от кредиторов. Он плакал в трубку и говорил, что если он не найдет денег, то его убьют. Я много раз его выручал, но в этот раз я и сам находился в глубоководной заднице. Но он продолжал канючить и названивать без остановки.

В результате, он меня достал, и я поехал и отправил ему свои последние деньги. И навсегда вычеркнул его из жизни.

66.

Идиллия моего общения с Мистером С. вскоре исчерпала себя. Он все чаще и чаще, - уже на правах шефа, - указывал мне что делать и как жить. Он считал меня бездельником и сказал, что его достали мои постоянные чудачества - начиная с моих шутилых представлений в лицах во время рабочего дня и кончая моими рассуждениями о смысле бытия. Я очень быстро почувствовал, что между нами пропасть, которую преодолеть невозможно. Я все чаще и чаще стал подумывать о новом рабочем месте.

В толкотне универмага стою, уставившись в витрину, стихи пылают в голове.

67.

Ирония в том, что когда-то Мистер С. мечтал со мной дружить, потому что мы работали с ним в банке, где я был душой коллектива, балагуром и весельчаком. Но теперь он говорил со мной так, словно я был должен ему денег и не отдавал.

18 сентября. Во дворе в очередной раз увидел девочку лет 7, которая постоянно показывала мне «фак». Она была с огромной белой собакой угрожающего вида, которую держала на поводке. Я не мог подойти к двери подъезда и набрать код, потому что мне было страшно. Девочка, увидев мой страх, сказала: "Не бойся. Он не кусается". Я что-то промычал в ответ и спросил, а как зовут собаку. "Ганс" - ответила девочка. Первое, что я подумал: "Прямо как Андерсена" и ответил ей: "Красивое имя".

"А сколько тебе лет" - спросила меня девочка. Я в некотором недоумении ответил: "27". "А Гансу девять...".

68.

Одной из вещей, сводящих меня с ума в этом бредовом телекоммуникационном офисе Мистера С., была «китайская пытка», заключающаяся в том, что техник по шестьсот раз в день звонил мне и просил сказать, как мне слышно. Это называлось тестированием связи. Где-то ближе к перерыву я уже готов был этого техника убить. А впереди еще оставалась целая половина дня.

69.

По воскресеньям я всегда навещал свою тетюшку, которая была очень умной и практичной женщиной. Она рассказывала мне о своей жизни, людях, которых встречала, о своих взглядах на различные вещи, и она делала это настолько оригинально, что я слушал ее как замороженный, не пытаясь даже вставить слово (что на меня совсем не похоже). И вот в одну из своих поездок к тете я увидел в метро чудо. Надо сказать, что это чудо еще и случилось на фоне уик-энда, в течение которого я переспал с тремя девушками, которые и не подозревали о существовании друг друга. В те годы я очень гордился этим хет-триком.

В тот день я буквально вполз в вагон метро и швырнул себя на ближайшее сидение. Вокруг сидели разные люди, один страннее другого. Казалось, что они появились не в результате эволюции, а прямо в эту секунду и под этот самый случай. Я сидел себе и старался не заснуть. И тут я увидел это чудо. Справа от меня, прислонившись к дверям, стояли мальчик с девочкой. Им было лет по 12. Оба ребенка невероятной красоты. Они очень живо что-то обсуждали, девочка смеялась и гладила мальчика по щеке. А мальчик все время рассказывал что-то смешное и даже разрешил ей проверить свой пресс. Потом он проверил и ее пресс, нежно ткнув в ее открытый животик кулаком. Время от времени они целовались. Это был обыкновенный поцелуй в губы, без засосов, языка и прочего взрослого кала. На их лицах было такое спокойствие и восхищение друг другом, что я чуть не расцеловал их обоих. Через пару остановок они вышли, держась за руки. Я смотрел им вслед. Я был благодарен этому чудесному видению, снизошедшему на меня. Это поистине было самое прекрасное зрелище из всех, что я видел.

70.

За 27 лет жизни я успел выйти из пеленок и дорос до получения первого трехколесного велосипеда, первого оргазма, и даже ученой степени. Моя мать хочет, чтобы я стал миллионером. Правительство хочет, чтобы я стал солдатом и потерял как минимум ногу. Я же просто хочу греться на солнышке.

71.

Офис нашей телекоммуникационной компании находился в гостинице. Гостиница напоминала больницу. Как и любое другое офисное помещение, в котором люди зарабатывают на кусок хлеба. Сколько мне еще потребуется времени, чтобы в меня поверили, как во что-то ценное. Один из вопросов, к которым не хочется возвращаться. Но приходится.

Когда-то я думал, что в 2000 году я уже буду летать в соседнюю галактику, а теперь на дворе 21-ый век – и я не могу себе позволить купить даже компьютер. И это не какое-нибудь преувеличение. Я реальный человек с реальными проблемами. И меньше всего на свете я хотел бы думать о деньгах. Но это, к сожалению, в моем положении невозможно.

72.

Хороший солнечный день. Все утро читал Эко. Удивительно, как он тянет время. Жизнь коротка, а мир слишком интересен для того, чтобы читать тома сильно разбавленных наблюдений и размышлений.

73.

Как-то я договорился встретиться в метро с одной своей знакомой, которая, как это и свойственно самоуверенным девушкам, опаздывала почти на полчаса. Все время ожидания я был погружен в размышления о своей жизни, которая каждый день подкидывала мне новые "сюрпризы". В какой-то момент я начал чувствовать, что мои мысли склоняются в суицидальную сторону и что я незаметно от себя подхожу к краю перрона.

И тут надо мной раздался громогласный голос диктора метро: "Мальчик отойди от края!", "Мальчик отойди от края!", "Мальчик отойди от края платформы!". Я обернулся и увидел, как какой-то ребенок играет с воздушным шариком у самого края платформы.

74.

Я оторван от своих книг. Все мои книжки остались там, на моей родине. В прекрасном чудесном городе, который превратили в сплошные рабские поселения и из которого мне пришлось бежать.

Я был замурован в свое я, подобно плавающей в океане запечатанной бутылке с неведомым посланием. Я притворялся вещью в себе, хотя никогда ею не был. Я всегда работал ради общества и поклонялся ему, как божеству. Но обществу я оказался не нужен. Теперь я здесь, в Силопагеме. И город этот не менее рабский, а может даже и больше.

Проблема в том, что в этом городе живут деньги, а люди - всего лишь платежное средство, банкноты, которые при желании можно напечатать пачками. Не люди оперируют деньгами, а деньги - людьми. Деньги правят государством, занимаются бизнесом, строят внешнюю политику и планируют статьи госбюджета, набиваются в супермаркеты, ездят в маршрутках, автобусах, метро, автомобилях и самолетах, живут в домах, продвигаются по служебной лестнице, создают семьи, обустривают свой быт и выводят потомство. Никогда еще я не видел такой власти денег, как в Силопагеме.

75.

Как-то я ехал в метро и читал японскую поэзию, как вдруг какая-то старушка попросила меня уступить ей место. Я никому не мешал, никого не трогал, никого не видел, ни с кем не заговаривал. Какое она имела право влезать в мой мир. Я встал со своего места, где еще пару минут назад пребывал в раю. Поезд ехал, а я стоял у стеклянных дверей и смотрел на свое отражение. С моей майки на меня безмолвно таранился Че Гевара. Компадре, мне нечего тебе сказать.

76.

Утро. Мир шлепнулся в мое окно, как коровья лепешка. Все птицы улетели. Я снова смотрел в окно и продолжал чувствовать страстную пульсацию жизни во всем, что меня окружало. Все было приведено в действие.

Сегодня к нам в офис зашел старик-курьер с инвалидной тростью. Ему лет за 60. Он передает бумаги и просит минут 5 посидеть, поскольку у него устали ноги. Он видит оклеенные вокруг моего рабочего места и раскрашенные вручную репродукции авангардных художников, и вдруг говорит, что у него тоже всю жизнь друзьями были художники. И он начал говорить о музыке, как музыкант, о физике, как физик, и о религии, как священник. Он часто сбивался и путался, и очень расстраивался из-за этого. Он говорил о времени, пространстве и взаимосвязи. О Боге. О том, что имел все и теперь у него нет ничего. О том, что все вещи в жизни очень сложны и непостижимы. А также он говорил о том, что никто не может его понять, потому что он сам себя не понимает... Но я понимал его.

77.

29 января. Мои разногласия с Мистером С. становятся невыносимыми. Я удручен своей работой и своей жизнью. Совсем недавно я видел сон по-немецки. Все мои близкие и знакомые, которые встречались мне в этом сне, чисто говорили на немецком. А я их совсем не понимал. Я пытался говорить с ними по-английски, но в этом сне никто этот язык не понимал, и они упорно продолжали говорить со мной по-немецки. Причем, видимо, в этом сне все решали какой-то очень важный вопрос, связанный со мной, поскольку они все очень сильно жестикулировали и время от времени указывали пальцами на меня. В какой-то момент я понял, что эти бесконечные объяснения с помощью жестов сведут меня с ума. Я не понимал родителей, друзей, подруг, соседей, - я не понимал никого. И никто не понимал меня.

78.

Я ложусь спать, не выключая свет.

ПРИНЯТИЕ

79.

Я написал хокку: "Какая-то муха/ появилась/ из ниоткуда/ в никуда".

Прошел год в Силопагеме, и я приехал в родной город к родителям на Новый год. Все это время в Силопагеме фрау Анна писала мне, снабжая свои электронные письма трогательными откровениями и ласковыми фразами.

Мы общались через мессенджер: вместе рисовали, играли в онлайн-игры, вспоминали прошлое (которое у каждого было свое). И вот теперь наконец я дождался встречи с ней. За этот год, что мы не виделись, многое изменилось: она ушла от своего мужа (которого, по ее словам, любила больше жизни и постоянно окружала вниманием и любовью), некоторое время снимала квартиру (будучи от природы весьма наивным существом, я просто не мог себе представить во время нашей с ней переписки, что после разрыва с мужчиной ее мечты она снимет квартиру не для того, чтобы оправиться от развода, а, как это выяснится позже, чтобы оставаться наедине со своей очередной пассивей), стала одной из звезд местного телевидения, начала следить за моим творчеством, считать меня уникальным поэтом и цитировать целые отрывки из моих поэм наизусть. Не понимайте меня слишком быстро.

80.

Я позвонил ей. Она очень обрадовалась, услышав мой голос. Я отчетливо слышал в ее речи довольные повизгивания. Мы договорились встретиться у телестудии. Я взял такси и подъехал к студии на минут 20 раньше. У меня не было с собой мобилы, поэтому я не мог предупредить ее о том, что я уже на месте. Пока я ее ждал, у меня завязался разговор с девушкой, которая дежурила на проходной. Это была высокая тощая девушка с большой грудью лет 23-х. Она мне рассказала о том, что состоит в какой-то политической партии и у нее два высших образования. В ее лице не было ни намека на интеллект. Я около 15 минут слушал ее бред, смотря при этом прямо ей в рот. Надо признаться, рот у нее был что надо. Такой, знаете ли, крестьянский, грубоватый, но очень чувственный рабочий рот. Она говорила медленно, растягивая слова. Я просто сидел и мучался от осознания того, что.

Наконец, я увидел в проходной высокого симпатичного парня с приторными чертами лица. Он подошел ко мне и представился. Она послала его встретить меня и проводить к ней.

81.

Итак, попробую передать то, что происходило потом, именно в том виде, в каком это запечатлелось в моей памяти.

Длинный коридор телестудии. двери, двери, двери. Искусственный свет - лампы, лампы, лампы. Лица, еще лица, еще и еще, лица, лица, лица. Женщины, мужчины. Ее пустующая студия. 25 минут до эфира. Пустая гримерка. Гример - услужливая девушка с недосыпом в глазах. Парень, который ведет меня к ней. Открывается дверь. Она (стоп-кадр). В тоненьком платице. Ослепительно красивая. Узнаю ее по фигуре: у нее до сих пор нет задницы. Ее радостное лицо. Я смущенно подхожу к ней, целую ее (стоп-кадр), она позволяет себя поцеловать. Я дарю ей на счастье китайский колокольчик. Она целует меня сама (зум). Она снимает меня на мобильник (здесь пленку зажевало). Спешно листает для меня фотки в мобильнике (раскадровка). Я все начинаю понимать (стоп-кадр). Сопровождающий меня парень оказывается ее любовником. Я по-прежнему для нее всего лишь интересный собеседник. Она говорит, что ей нужно бежать в студию. Мы - я и он - бежим за ней (обратный зум). Влетаем в студию. Она усаживается напротив камеры. Я сажусь напротив нее (стоп-кадр). Ее парень садится рядом со мной. Она корчит рожи режиссеру. Передача начинается. Она принимает непринужденный вид и общается со всей страной. Прямой эфир. Я сижу напротив и мучительно борюсь с желанием накинуться на нее в прямом эфире. Первая реклама. Ее парень уходит к режиссерам. Пока идет реклама (стоп-кадр). Ее парень, видимо, говорит с ней через наушник, потому что она выделяет на камеру всякие женские фишки - воздушные поцелуи, с включением в это игры плечами, руками, грудями и т.д. Реклама заканчивается - она продолжает вести свою бессмысленную передачу. Режиссер ставит клип. Она говорит со мной (стоп-кадр). Я рассказываю ей анекдот. Она смеется (стоп-кадр). Через 20 минут передача заканчивается. Мы выходим из студии (черно-белое изображение). "Парочка" приглашает меня в бар попить пивка. Они так заботливы со мной (пленка рвется). Поэт хоронит свою любовь.

82.

Да, очень печально осознавать, что твои представления о чем-то или ком-то резко отличаются от реального положения дел. Думаю, что именно в тот момент я понял, что некоторые вещи невозможно изменить. Я это я, а она - это она. И она никогда меня не полюбит. Что бы я ни делал.

Я сделал новый виток вокруг своей жизни. Лето укрылось от меня листвой. Оно где-то там, в теплых ласковых днях.

Я вижу себя повзрослевшим и уверенно спорящим с профессорами диссертационного совета, за дверями которого меня ждет прекрасная юная девушка со скрещенными на удачу пальцами. Я вижу себя маленьким мальчиком в аккуратно отглаженной белой рубашке и синих шортиках, цепляющегося за подол материнского платья перед первым в жизни публичным чтением стихов на утреннике.

Новый год наступил. Чуда не произошло. Плачу я. Плачет мое детство. Плачут деревья, молчаливо расступающиеся передо мной.